

Мат.
№ 26925

Журнальные новости. III

«Мужики», рассказ А. П. Чехова.
(«Русская Мысль», апрель).

Въ одномъ изъ очерковъ, принадлежащихъ къ серіи «Театральныхъ впечатлѣній», Леметръ жалуется на потерю способности влиять на поводѣ книгъ. Порою кажется, — говоритъ онъ, — будто навѣки уже утратилъ возможность испытывать при чтеніи нѣчто большее, чѣмъ простое любопытство. Творенія самыхъ искусныхъ и самыхъ извѣстныхъ писателей производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто ихъ зналъ раньше, чѣмъ раскрылъ книгу: сердце не начинаетъ биться сильнѣе, глаза ни на минуту не дѣлаются влажными. Но въ одинъ прекрасный день, въ то время, когда недовѣрчиво перелистываешь какое-нибудь новое произведение, — вдругъ чувствуешь себя захваченнымъ: сожалѣніе, вѣжливость или ужасъ овладѣваютъ тобой. Можетъ быть, то, о чемъ рассказываетъ эта книга, — старая, извѣстная исторія, и тѣмъ не менѣе кажется, что ничего подобнаго раньше не зналъ, что для тебя открылось челоуѣчество. Тогда начинаешь вновь вѣрить въ литературу, тогда опять говоришь себѣ, что искусство не умираетъ, что міръ можетъ старѣть или оставаться всегда одинаковымъ, — но въ зеркалѣ нѣкоторыхъ привилегированныхъ людей онъ всегда будетъ обновляться и молодѣть.

Леметръ говоритъ это по поводу «Власти тьмы» Толстаго. Нѣчто въ родѣ подобнаго чувства новизны и давно непереживавшагося ощущенія приходится испытывать читателямъ при чтеніи послѣдняго рассказа г. Чехова, помѣщеннаго въ апрѣльской книжкѣ *Русской Мысли*, «Мужики». Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что мы хотимъ сравнивать между собой обоихъ авторовъ; мы говоримъ только о томъ впечатлѣніи, которое получается при чтеніи рассказа г. Чехова въ ряду десятковъ и даже сотенъ другихъ рассказовъ, принадлежащихъ различнымъ авторамъ. Обратимся хотя бы къ произведеніямъ, помѣщеннымъ рядомъ съ рассказомъ г. Чехова въ той же книжкѣ журнала. Вотъ, напримеръ, очеркъ г. Тимковскаго «Приватъ-доцентъ», — очеркъ недурной, написанный не безъ таланта, очевидно, съ добрыми чувствами и нѣкоторымъ знаніемъ изображаемой среды. Проникнутъ онъ мрачнымъ, даже подчеркнуто-мрачнымъ взглядомъ на жизнь, заставляющимъ автора доказывать, что въ жизни имѣютъ успѣхъ только нахалы, а люди съ искреннимъ чувствомъ, талантомъ и любовью къ избранной специальности успѣха не имѣютъ. Иллюстрируется эта мысль на примѣрѣ одного приватъ-доцента, который настолько былъ увлеченъ наукой, что до тридцати лѣтъ съ лишнимъ почти

забылъ о жизни; когда же онъ о ней вспомнилъ и по этому поводу отправился въ праздничный день посѣщать знакомыхъ товарищей и прежнихъ знакомыхъ, — онъ нашелъ, что истинно талантливые товарищи его живутъ въ бѣдности и горѣ, а преуспѣваютъ въ жизни среди нихъ только негодяи и нахальные завоеватели чужаго счастья. Приватъ-доцентъ сталъ въ водкѣ искать утѣшенія послѣ того, какъ и съ нимъ жизнь поступила такъ же, какъ съ другими: она отказала ему въ любви избранной дѣвушки и отдала любовь послѣдней одному изъ имѣющихъ успѣхъ въ жизни, но недостойныхъ нахаловъ. Рассказъ, повторяемъ, не плохой, но читатель не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что гдѣ-то ему уже приходилось читать нѣчто подобное, съ тѣми же недостатками, съ тѣми же сочувственнымъ отношеніемъ автора къ смѣшной во всѣхъ отношеніяхъ фигурѣ героя, съ тѣми же усиленнымъ подчеркиваніемъ жизненныхъ несовершенствъ, съ тѣми же водевильнымъ концомъ. Очень можетъ быть, что впечатлѣніе читателя невѣрно, что рассказъ съ однороднымъ сюжетомъ и почти тѣми же перипетіями ему не приходилось читать, но одна возможность подобнаго предположенія говоритъ за то, что въ очеркѣ г. Тимковскаго менѣе наблюдений, чѣмъ «сочиненности», менѣе творчества, чѣмъ навѣянныхъ предъидущими чтеніями впечатлѣній. Все это мало располагаетъ къ переживанію какого-нибудь волненія при знакомствѣ съ печальной исторіей злополучнаго приватъ-доцента.

Но рассказъ г. Чехова не принадлежитъ къ разряду ранѣе читанныхъ. Это — нѣчто очень грустное и очень сильное. И грустно, и сильно это не только потому, что авторъ безъ жалобныхъ словъ сумѣлъ сконцентрировать на нѣсколькихъ страничкахъ lastimable regret, слезы дѣйствительности, а главнымъ образомъ потому, что предметомъ авторскаго описанія служитъ не маленький мірокъ отдѣльныхъ людей, страданія и муки которыхъ являются только ихъ личными муками и страданіями, но цѣлая масса, огромный міръ, описанію нравовъ и быта котораго посвящалось въ былые времена столько беллетристическихъ произведеній и который въ послѣдніе годы сталъ такъ рѣдко фигурировать въ изящной литературѣ. Именно влѣдствіе того, что талантливые писатели нашего времени обращаютъ мало вниманія на этотъ міръ, рассказъ г. Чехова пріобрѣтаетъ еще большее значеніе и большую оригинальность, которая и безъ того наложена на него грустнымъ талантомъ автора.

Дѣло происходитъ въ деревнѣ. Лакей, въ теченіе долгихъ лѣтъ жившій въ Москвѣ, изъ за болѣзни возвращается на родину выжить съ женой и дочерью. Деревенская семейная жизнь, унылая, мрачная, съ постоянной нуждой, съ вѣчнымъ озлобленіемъ однихъ, холоднымъ равнодушіемъ другихъ, безнадежнымъ тер-

пѣніемъ третьихъ — встрѣчаетъ его. Ежедневно раздаются пьяные крики брата, отдающего свою возбужденную водкой душу на побои жены; съ безмятежно равнодушнымъ осужденіемъ присутствуетъ при пьяной расправѣ вся семья, ограничиваясь пустыми утѣшеніями по адресу почти непротестующей жертвы; въ теченіе цѣлаго дня слышится озлобленная воркотня беззубой старухи — матери, въ тысячахъ варіацій проявляется равнодушное отношеніе къ чужому несчастію, къ предстоящей смерти, къ многочисленнымъ ударамъ судьбы. Въ качествѣ сострадательнаго слова, обращеннаго къ болѣющему родственнику, прочіе члены семьи повторяютъ только: «Нѣтъ, не добытчикъ ты, Николай Осипычъ, не добытчикъ». Этотъ постоянный приѣвъ невольно возвращается, потому что истинное значеніе людей, своихъ, какъ и чужихъ, очень близкихъ, какъ и совершенно постороннихъ, измѣряется здѣсь только ихъ отношеніемъ къ заработку, къ борьбѣ съ той нуждой, которая надъ всѣмъ властвуетъ и всему придаетъ свой мрачный колоритъ. Выраженіе «не добытчикъ», обращенное къ умирающему человѣку, смѣняется подъ сердитую руку словомъ «дармоѣдъ»; уходитъ дармоѣдъ со свѣта, и близкіе люди облегченно вздыхаютъ, хотя на побѣдоносную борьбу съ нуждой они и при этихъ обстоятельствахъ не смѣютъ разсчитывать. Вообще о серьезной борьбѣ съ послѣдней никто не помышляетъ; помочь нельзя, исправить жизнь невозможно, и дни тачутся за днями безъ цѣли, безъ надежды на просвѣтъ, безъ большихъ желаній, съ озлобленіемъ по поводу мелочей и равнодушнымъ отношеніемъ къ важнымъ ударамъ судьбы. Заходятъ чужіе гуси въ огорода, и озлобленное настроеніе проявляется въ громкихъ крикахъ, страшныхъ ругательствахъ и суровомъ наказаніи тѣхъ, кто допустилъ гусей до кануствъ. Случается вездѣ затѣмъ пожаръ, и обитатели равнодушно взираютъ, какъ гибнетъ чужое добро, не обнаруживая желанія помочь, хотя ихъ собственнымъ дворамъ можетъ угрожать опасность отъ распространившагося пожара. Чѣмъ-то стихійнымъ, какой-то роковой неизбежностью вѣдетъ отъ всей обстановки, описываемой авторомъ, и читатель, оставляя книжку подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ тяжелаго кошмара, не находитъ отвѣта на свой невольный вопросъ: что или кто виноватъ въ этомъ ужасѣ, гдѣ нехоть изъ него и существуютъ ли какія-нибудь причины, указывающія на то, что все это сдѣлано неслучайно. Таки, какъ деревня описывается г. Чеховымъ, нелепо не предвидится, и не нравственна и безнравственна разсказъ его изложеніемъ за собой «Наша тѣнь».

Въ нѣсколькихъ читатель для зрителя можетъ остановиться не только на нравственной чуждотѣ происходящаго на видъ Азума, но и на востанов-

пробужденіи совѣсти въ Наянтѣ, какъ залогъ будущаго просвѣтлѣнія. Къ тому же и сравнительная экстраординарность преступленія Наянты и его соучастницъ говоритъ объ исключительности даннаго явленія, какъ бы типичны и ординаренъ ни былъ самъ Наянта въ его дремлющей совѣстью и покладистымъ для отступленія отъ истинной дороги характеромъ. Вся пьеса представляетъ изъ себя исторію «увязанія коготка» и пропаянны птички; до тѣхъ же поръ, пока коготокъ не увязалъ, мрачнаго, ужаснаго и жестокаго въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ не замѣчалось. Въ разсказѣ г. Чехова нѣтъ преступленій, нѣтъ ужаса въ экстраординарности дѣла и поступковъ дѣйствующихъ лицъ; главный ужасъ и заключается въ томъ, что все описываемое ординарно, обыденно и страшно. Въ сравненіи съ той жизнью, которая раскрывается передъ пріѣхавшимъ на родную лавку, городская жизнь нищегого работника представляется раемъ. Со вздохами и сожалѣніями вспоминаетъ лакей о своей жизни въ Москвѣ и черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ деревню дрожащимъ голосомъ говоритъ женѣ: «Не могу я больше тутъ; силы моей нѣтъ. Ради Бога, ради Христа Небеснаго, напиши ты своей сестрицѣ Клавдіи Абрамовнѣ, пусть продастъ и закладываетъ все, что есть у ней, пусть высылаетъ денегъ, мы уѣдемъ отсюда. О, Господи, — продолжаетъ онъ съ тоской, — хоть бы однимъ глазомъ на Москву взглянуть! Хоть бы она приснилась мнѣ, матушка!»

Самые представители городского пролетаріата рѣзко отличаются въ разсказѣ г. Чехова отъ своихъ деревенскихъ родныхъ и знакомыхъ. Ольга и Саша, жена и дочь пріѣхавшаго въ деревню лакея, каждый день читаютъ Евангеліе, многого не понимали, но слова Евангелія трогали ихъ до слезъ. Ольга «вѣрила въ Бога, въ Божию Матерь, въ угодниковъ, вѣрила, что нельзя обижать никого на свѣтѣ, — ни простыхъ людей, ни иѣмцевъ, ни евреевъ, и что горе даже тѣмъ, кто не жалѣетъ животныхъ, — вѣрила, что такъ написано въ святыхъ книгахъ, — и потому, когда она произносила слова изъ Писанія даже неопытная, то лицо у нея становилось жалостливымъ, умиленным и свѣтлымъ». Во всемъ разсказѣ Ольга и Саша представляются единственными свѣтлыми явленіями среди невѣжественныхъ, грубыхъ, плохо понимающихъ и мало чувствующихъ лицъ. Но эти свѣтлыя явленія не могутъ подготовить читателя: они служатъ для характеристики городского пролетаріата, а не деревенской жизни. Поэтому Ольга и Саша характеризуютъ только въ какой-нибудь моментъ своего пребыванія въ деревнѣ, тогда, когда, направляясь въ Москву на поступленіе на службу въ неопытныхъ компаній, онѣ останавливаются передъ окнами нѣтъ и тонкимъ шепотомъ голосомъ шепчутъ: «Православные христіане».

подайте милостыню, Христа ради, что милость ваша, родителям вашим царство небесное, вѣчный покой». Этими словами кончается рассказъ.

Если г. Чеховъ хотѣлъ своими «Мужиками» потрясти читателя и наполнить его ужасомъ, то онъ вполне достигъ своей цѣли. По силѣ впечатлѣнія, которое рассказъ оставляетъ въ читателѣ, «Мужики» могутъ быть сравнены съ нѣкоторыми произведеніями Гауптманна, превосходно изображающими фатальность и стихійность несчастія, тяготящаго надъ его героями. Между рассказомъ г. Чехова и пьесами вѣнецкаго драматурга существуетъ еще одно сходство: несмотря на грубость, невѣжество, отсутствіе нравственныхъ понятій, герои возбуждаютъ не отвращеніе, а глубокую жалость, свѣдѣтельствующую о томъ чувствѣ искренняго состраданія, которое руководило авторомъ, несмотря на ихъ видимую объективность. Жалѣть на языкѣ той среды, которую описываетъ г. Чеховъ, значить любить, и эта любовь, просыпающаяся въ сердцѣ читателя, невольно заставляетъ его спрашивать: неужели все описанное въ рассказѣ правда? Неужели деревенская жизнь не представляетъ ни одного свѣтлаго явленія, на которомъ могли бы съ надеждой остановиться глаза наблюдателя? Неужели гнетъ пугды настолько пронизалъ человѣческую природу, что для этого мрака не можетъ быть исхода и не предвидится конца? Та группа писателей, которая считала народные идеалы поучительнымъ примѣромъ для культурнаго общества, которая заставляла учиться у народа и черпать тамъ начала истинной гуманности и справедливаго отношенія къ людямъ,—найдетъ, конечно, новый рассказъ г. Чехова грубо извращающимъ дѣйствительность: въ томъ видѣ, какъ дѣло изображено авторомъ, не только учиться у народа, но даже учить народъ представляется дѣломъ почти невозможнымъ. Какіе въ самомъ дѣлѣ идеалы живутъ въ душѣ Кирияна (пьянаго брата лакея), беззубой старухи, злобно ворчащей на всѣхъ, забитой Марьи, разгульной Феклы? Всѣ эти лица представляютъ ли какъ-то грубо захваченными жизнью, которая не даетъ ни времени на размышленіе, ни свободы для проявленія чего бы то ни было, кромѣ чисто инстинктивныхъ побужденій съ необыкновенно слабыми мерцаніями человѣческаго разума. Въ сплошномъ мракѣ, который окружаетъ жизнь «Мужиковъ», даже читатели, не отличающіеся особой любовью къ народнымъ идеаламъ, готовы найти чрезвѣчное сгущеніе красокъ, нѣкоторый грѣхъ противъ дѣйствительности, преднамѣренный расчетъ на потрясеніе читательскихъ нервовъ.

Въ одномъ онъ несомнѣнно правъ: «Мужики»—произведеніе далеко не объективное: оно характеризуетъ описываемую среду, но характеризуетъ въ то же время и автора. Пессимистическій взглядъ на дѣйствительность,

соединенный съ искусствомъ талантливо и правдиво перелазать мрачныя стороны послѣдней, соединенный въ то же время съ затасаннымъ, но глубокимъ состраданіемъ ко всѣмъ тѣмъ, кто терпитъ отъ этой дѣйствительности, составляетъ характерное свойство этого писателя. Оно рѣзко проявилось въ предыдущихъ его произведеніяхъ, но еще болѣе выразилось въ настоящемъ рассказѣ, захватывающемъ жизнь не отдѣльныхъ людей, а цѣлой общественной группы. Во внѣшнемъ описаніи дѣйствительности авторъ не допускаетъ ни малѣйшихъ отступленій; трудно, вѣроятно, найти хотя одну невѣрную черту въ томъ описаніи, которое дается въ послѣднемъ рассказѣ. Но *le ton fait la musique*. Состраданіе, которое авторъ чувствуетъ къ своимъ персонажамъ, имѣетъ всегда оттѣнокъ безнадежности. Это—состраданіе, обращенное къ осужденному на смерть больному, лишенный сантиментальныхъ вздоховъ роковой приговоръ врача, пробующаго подъ внѣшней грубостью скрыть собственную безсильную грусть. Такъ было въ прежнихъ произведеніяхъ г. Чехова, то же повторяется и въ настоящемъ рассказѣ. Кого бы и чего бы ни касалось изображеніе автора, исхода изъ описываемаго имъ томительнаго положенія нѣтъ. Фигурируютъ ли въ рассказѣ интеллигентные «Хмурые люди», пробующіе разрѣшить тѣ или другіе жизненные вопросы,—ихъ поиски останутся тщетны, рѣшенія не послѣдуетъ, жизнь потечетъ для нихъ такъ же бессмысленно, безцѣльно и ненужно, какъ прежде. Идетъ ли дѣло объ извозчикѣ, пробующемъ развѣять «тоску» разсказами объ умершемъ сынѣ,—тоска всегда останется при немъ, излѣченія не будетъ, такъ же безцѣльно и бессмысленно, какъ въ предыдущемъ случаѣ, потечетъ жизнь. То же повторяется и въ другихъ разсказахъ. Всегда авторъ уже заранѣе осудилъ своихъ героев на смерть, на духовное прозябаніе, на безнадежную пустоту. Онъ пренебрегаетъ жалостью къ этимъ героямъ, и эта жалость усиливается еще потому, что на выздоровленіе, на хорошій исходъ онъ не имѣетъ никакой надежды. Что послужило причиной болѣзни, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстно. Да если бы даже причины и были найдены, если бы удалось ихъ устранить, всегда ли можно рассчитывать на благоприятный исходъ? Автору кажется, что онъ наблюдаетъ своихъ героев въ тотъ моментъ, когда устраненіемъ причинъ уже не пощадить болѣзни. Остается только опустить руки и безнадежно смотреть.

Тотъ же характеръ безнадежности и пассивности имѣетъ состраданіе автора къ «Мужикамъ». Приговоръ уже подписанъ, помочь дѣлу нельзя, и авторъ, стараясь своимъ сжатымъ подъ пѣлиной безразличіемъ скрыть шевелящееся чувство, только усиливаетъ приближающуюся душевную смерть.

Эта увѣренность въ полной безнадежности настоящаго случая заставляетъ автора игнорировать нѣкоторые моменты крестьянской жизни, которые во всякомъ случаѣ придали бы иное освѣщеніе изображаемой средѣ. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ жизни даже такой обѣднѣвшей и опустившейся крестьянской семьи, которая описана въ разсказѣ, служить все-таки время полевыхъ работъ. Последнія совершенно не изображены авторомъ. Можетъ быть, несмотря на тяжесть этихъ работъ, на громадное физическое напряженіе переживаемое во время «страды», человѣческія черты каждаго изъ фигурирующихъ въ разсказѣ лицъ сказались бы рѣзче и обнаружилась бы та «власть земли», которая, несмотря на соблазны города, притягиваетъ все-таки мужика къ деревнѣ. Въ этотъ моментъ, если бы и не исчезла, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшилась та бессмысленная сутолока, которая придаетъ изображаемой авторомъ средѣ особенно безотрадный характеръ. Въ этой сутолокѣ пропадаютъ индивидуальныя свойства каждаго, и всѣ кажутся одинаково содѣйствующими превращенію домашняго существованія въ постоянный адъ.

«Власть земли» въ свое время яркими чертами была описана Г. И. Успенскимъ. Онъ также не былъ оптимистомъ, и ниши деревенской жизни изображались имъ съ неподраженнымъ реализмомъ и рѣдкой правдивостью. И онъ, подобно г. Чехову, описывалъ иногда такіа положенія, гдѣ поступки дѣйствующихъ лицъ не свидѣтельствовали ни о человѣческихъ чувствахъ, ни о человѣческомъ достоинствѣ. Тѣмъ не менѣе между обитателями деревни, описан-

ными Г. И. Успенскимъ, и дѣйствующими лицами разсказа г. Чехова лежитъ существенная разница. Она происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что первый изъ этихъ писателей не довольствовался изображеніемъ общей деревенской или семейной сутолоки, гдѣ душевные процессы отдѣльных личностей совершенно скрываются отъ наблюдателя, и обращалъ большое вниманіе на индивидуальную психологию. Вслѣдствіе этого мотивы того или иного поступка, того или иного отношенія къ окружающимъ и къ жизни вообще, ясно выступали передъ читателемъ, выѣстъ съ тѣмъ не менѣе выдѣлялось человѣческія черты въ характерахъ изображаемыхъ лицъ, а видимая жестокость поступковъ смягчалась знакомствомъ читателя съ тѣмъ сложнымъ процессомъ, который происходилъ въ душѣ этихъ по большей части сильно страдавшихъ людей. Впечатленіе получалось далеко не безнадежное, и читатель выѣстъ съ состраданіемъ испытывалъ желаніе помочь обитателямъ описываемой среды.

Сравненіе между персонажами Г. И. Успенскаго и «Мужиками» г. Чехова настолько интересно, что мы, можетъ быть, еще къ нему вернемся.

(Мас. N 26925)

И—т.

Рус. ведомости, 1897 N 106

<И. И. Игнатов>